

Василий ШУПЕЙКИН

ГРАФ ИЗ ИШАЧЬЕГО ПОСЕЛКА

Окончание. Начало в № 1, 2026.

...За революцию стопки так и не подняли, сумел Орлов соскочить с этой темы. Кстати, и за хозяйку тоже выпить не дал, разговорами собутельника занял, ревнивец. Под разговоры, вспоминая бои за Сталинград и Курскую дугу, белорусские леса, места, где земля впитала их кровь и пот, да врачей с медсестрами, победители осушили поллитровку. Хорошо и благостно стало им. Скворцов не уставал с доброжелательностью хвалить хозяина; Орлов, рассыпая голубоглазые искры, тихонько посмеивался, время от времени гася очередной смешок вытиранием губ большим и указательным пальцами здоровой руки. Левая, перебитая фашистским осколком, такой мелкой моторики не имела, только-то и могла, что в локтевом суставе сгибаться.

– Спасибо, Володя, – пытаюсь встать со стула, заторопился домой Егор. – Пора и честь знать. За мной ответка!

Вроде бы и небольшая доза пол-литра беленькой на двоих мужчин в расцвете сил, но единственную ногу гостя подкосила.

– Нет, сосед, не дойдешь!.. – забеспокоился Владимир Васильевич. – Русские своих не бросают! Держись за меня. Слушай, солдат, мою команду...

Гвардии рядовой Скворцов и не собирался выказывать неподчинение такому замечательному соседу.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант!

Фронтовые побратимы обнялись и пошли по улице Глубокой, ступая по обе стороны колеи. Сделали десяток шагов и запели: «Ехал я из Берлина по дороге крутой, на попутных машинах ехал с фронта домой...»

Шагать было совсем ничего – куплет пропели, а на припеве оказались перед калиткой, как говорили соседи, «скворечника». Совпадение конечного пункта их пути и начала припева заставило обоих хохотнуть и грянуть что есть мочи: «Эй, встречай, с Победой поздравляй, чарочку хмельную полнее наливай!»

Наталья выбежала на крыльцо и обомлела: ее и Лидкин мужики обнимаются и истошно вопят. А про чарочку так два раза повторили. «Вот же нехристь, гостя притащил! А у меня в дому раскирдаш...» – распахнув руки для объятий, растянув губы в улыбке, думала она и шла навстречу мужу.

Естественно, предложила зайти в дом. Орлов недолго отказывался: все-таки мало одной бутылки двум фронтовикам, мало. Боженка босиком только ступил на душу... и всё, празднику конец?

Хозяйка выставила бутылку московской «белоголовки» – берегла для семейного торжества, то есть им с Егором на двоих. Наковырляла из кадушки квашеной капусты и скоренько почистила картошки на жарёху.

Под капустку налили за дружбу соседей, которые всегда, если что, с доброй душой... Ну и так далее. Про войну более не говорили – исчерпали тему.

– Посмотри-ка, Володя, какую книгу я нашел в шкафу на работе, – протянул Егор гостю старинный том с длинным, на всю обложку, названием: «Книга немецкого издания, представляющая собой настольную книгу для владельцев лошадей, охватывающую анатомию, физиологию и правила

ухода за этими удивительными животными». – Вот, прочитай, как раньше деревенские коновалы без образования коней лечили и обихаживали.

– Не люблю я это слово «коновал». Его давно испохабили, на плохих врачей перевели. Раньше-то нас звали «конокладами». Ну да ладно, долгий разговор...

Глаза соседа вновь стали лучезарными, по-мальчишески озорно-любопытными. И Скворцов для себя отметил это.

Пребывая на подворье Орлова, он постеснялся задать мучивший его вопрос о принадлежности к ветеринарной профессии. И вот улучил момент. Открыл старинный том аккуратно на иллюстрации с рисунками лошадок различных пород и протянул гостю.

Орлов так и замер с книгой в руках. Рассматривал, читал, листал...

– А ты, Егор, тоже любишь лошадей?

– Считаю этих животных стоящими на верхней ступени развития фауны.

– Чего? – скривился гость.

– Прошу прощения, это так мы, ученые, называем весь животный мир земли. А растительный мир зовется флорой.

– Эка угораздило: Флора у меня под Челябинском татарка до войны была. А я и не знал, что она из растений. То-то мы с ней из кустов не вылазили... Эх, девка была горячая...

Скворцов уловил уход с трепетно нащупанной им темы и поспешил вернуться к исходному приему.

– Был такой писатель Джонатан Свифт, про Гулливера писал. Тот в страну лилипутов попал сначала, потом в царство великанов... Ты читал?

– Нет, я книжки только в школе осваивал. Потом жизнь пошла заковыристая, сильно она меня, брат, закручивала...

– Да я не про это. Так вот Свифт тоже ставит лошадей в один уровень с людьми...

– Я считаю – прав. Он кем был, лошадиным доктором?

– Нет, просто писатель. Написал, как однажды путешественник Гулливер попал в страну, где всем заправляют разумные лошадки. Он их так причудливо для русского языка назвал – гуигнгнмы. Но они были добрыми, благородными, справедливыми. А йеху, приматоподобные, похожие на людей существа, жили рядом и постоянно нападали на гуигнгнмов. Они были жестокие, жадные и трусливые...

– Всё как у людей. Молодец писатель, правильно отобразил. А как же этот путешественник общался с лошадьми? – глаза Орлова заблестели пацанячьим хитрованным любопытством.

– Не помню уж, как это Свифт описывал...

– А я знаю! – выпалил, как ученик-выскачка, Владимир Васильевич и тут же осекся, перевел тему на выпивку. – А давай за лошадок выпьем, чтобы люди к ним относились по-людски.

Скворцов понял, что приблизился к разгадке своего вопроса, и как ни в чем не бывало спросил:

– Говоришь, знаешь, как человек может общаться с конями?

– А вот ты, ученый, знаешь разницу между конем и лошадью?

Скворцов задумался: и правда, не в принадлежности же к роду – кобыла и жеребец...

– Да не морщи лоб, я тебе по-простому поясню, как в народе говорят. Клячи – воду возят да телеги тащат, лошади кареты везут и землю пашут, а на конях верхом скачут да шашками машут. А про то, как с ними говорить и кто этому способен, я тебе как-нибудь расскажу. Разговор о том, если захочешь знать, долгий, – гость хохотнул, – не на одну бутылку. Ну, да вижу,

ты нормальный мужик, к тому же настоящий фронтовик. Участников войны развелось много, ох, мать их, брехунов, за ногу. Тот месяц ходил за пенсией. Ну ты знаешь, у нас без очереди ничего не бывает. Скоро и помирать будем через запись в Собесе. Смотрю, подходит и лезет вперед всех рыжий Иван, с улицы Широкой. Кричит: «Пустите участника войны!» и костью машет. Эх-ма, сукин кот! Ногу-то свою он отморозил по пьяному делу! Увидал меня и заткнулся. А народец-то у нас добрый, протащили его без очереди. Я потом хотел ткнуть ему в рыло своей культей, да пожалел одноногого «воина»...

Поняв, что слово «одноногий» в этом доме не должно произноситься, Орлов захекал, поднялся из-за стола и повернулся на выход.

– Ты меня не провожай – мне автобус не ожидать... Спасибо, хозяйка, за угощение.

Наталья побежала гостю навстречу, открыла дверь, улыбнулась:

– Всегда вам рады, всегда, запросто заходите к нам, запросто...

Егор Ильич после ноябрьских праздников, так удачно подруживших его с Орловым, не мог дожидаться случая, чтобы продолжить завязавшуюся соседскую дружбу. Но повод вскоре нашелся реальный – зоопарковская коняга Изольда слегла. Причем распряженная вставала с земли, а как только надевали на нее хомут и тележную узду, тут же ложилась.

– Ты нам кобылку не поправишь, Владимир Васильевич? – пришел он вечером к соседу.

– Отчего же не поправить, если смогу, конечно...

Утром они пришли в конюшню зоопарка. Следом явился директор, без его присмотра ничего на подведомственной территории происходить не могло.

– Дипломированный? – деликатно, шепотом спросил он Егора Ильича, кивнув в сторону, как он считал, зоотехника, осматривающего лошадь.

Тот уклончиво закивал головой и перевел внимание Максима Дмитриевича на разговор Орлова с конюхом. Тот на все вопросы отвечал однозначно: всё я этой гадине обеспечивал – и водопой, и питание, и... Ну, всё, как положено, и точка!

– Отойди на десять шагов, – попросил Орлов. Сам же двинулся к лошадке, понуро стоявшей в стойле и как-то нехотя жевавшей сено. Похлопал по холке, затем прошелся ладонью по крупу. Вернулся к морде лошади. Открыл ей рот, осмотрел челюсти. Положил обе ладони на шею и долго-долго заглядывал животине в глаза. Та как будто бы ожила: стала прядать ушами, кивать головой, переминаться с копыта на копыто, пару раз недовольно коротко заржала.

Всё это время молчавший, ничего не комментировавший Орлов повернулся к наблюдателям.

– Принесите чего-нибудь из овощей, лучше морковь. Хорошо бы её яблоками покормить... Да, Изольда, хочешь яблочко? Смтайся да принеси то, что я прошу, – почти в приказном тоне сказал он конюху. Директор взмахом руки подтвердил слова «зоотехника».

– Не кормит ваш ловкач кобылу ничем, кроме старого сена, вот она и заупрямилась. На ее возе столько вкусовых веществ бывает, и всё для других зверушек. А она даже положенного рациона не получает от вас.

– Что вы! – возразил директор. – Всё, чем положено кормить подсобный скот, у нас в наличии.

– У вас на складе – в наличии, а ее долю уворовывает конюх: комбикорм не дает, овощами не балует, никогда кусочек сахара не сунет лошадке. И вообще, этот человек животных не празднует. Он ее давно уже кнутом хлещет. Неужто не видите рубцы? Да еще и уши кобыле крутит. Ну да, она стала упрямяться. Так и силы к лошадке только с кормом приходят. Ее не лечить, а кормить

хорошенько надо. Необходимо воз починить, ступицы колесные почаще смазывать, всё Изольде легче станет таскать его...

Конюх принес одну морковку и половинку капустного кочана.

Орлов с укором посмотрел на него.

– Что так мало?

– А вы не сказали, сколько нести, – быдловато, с вызовом ответил тот.

– Корми, да поласковой, поласковой...

Потом обратился к директору:

– Желательно дней десять давать ей самую калорийную пищу. Хорошо бы патоку подмешивать в комбикорм. Только вот этому в руки патоку не давайте – сопрёт...

– Извините, Владимир... эээ...

– Васильевич, – подсказал Скворцов.

– Н-да, Васильевич, – деликатно продолжил Зверев. – А вы, собственно, почему решили, что конюх вороват?

– Лошадка ваша мне о том поведала...

– Не очень понятно это...

– А вы понаблюдайте за ним, пару раз проверьте, с чем он выезжает за пределы зоопарка, с какой сумкой ходит на работу. И давайте так: если завтра кобыла, увидав хомут, опять упадет, зовите меня... Ну что, есть у вас патока? Прямо сейчас я сам ее покормлю, и увидим эффект...

...Патоку Зверев купил за свои деньги, уж очень заинтересовал его «зоотехник».

Пока Изольда принимала порцию вкусного снадобья, Орлов сам вычистил ее давно неухоженную шкуру кое-как найденной в хозяйстве лошадиной щеткой. Потом запряг в повозку и привел к зданию управления зоопарком.

– Вы – кудесник! – сунув в карман Орлова тридцать рублей, восхитился Максим Дмитриевич. – И всё же... Где вы учились? А про патоку от кого узнали?

– Мы ею орловских рысаков перед соревнованиями потчевали, – сказал лекарь Изольды. – А учили меня прадед мой и дед в Хреновском конезаводе. Слышали про такой? Еще шутка такая есть: «Ты откуда такой работник? Орловский? Нет, я хреновский! Оно и видно – руки не с того места выросли». Ну всё, уважаемые товарищи, пора мне...

Вечером Скворцов мимо своей калитки напрямик прошел к орловским воротам. Хозяин был во дворе.

– Володя, ты как насчет мяса с картошкой? Уже готовится...

– Да говори уж прямо – выпить охота!

– Не без того.

– Я – за. Кстати, что с вашим горе-конюхом?

– Сегодня же и попался, ворюга: получил для Изольды мешок комбикорма и тут же половину отсыпал. У него огромная сумка есть из брезента, в ней и таскал корма, и не только от лошади уворованные. Мясом для хищников тоже не пренебрегал, гад.

– Э-э-э, надеюсь, ты меня не волчьей порцией хочешь накормить?! Шучу, шучу. Сейчас снег соберу и прибегу...

II

Встречи соседей стали не то что регулярными, но желанными с обеих сторон. Жаль, что Орлов не брался за лечение других животных, а лошадь в зоопарке была одна, и та, как только сменился конюх, перестала вредничать. Воришку уволили по статье «Недоверие коллектива».

Иногда Орлова увозили в аулы, где пестовали особо породистых лошадей для предстоящих скачек, байги, конных игр. Возвращаясь с благодарственными подношениями, он непременно звал в гости Егора. Сам в дом Скворцовых не любил ходить – его Лидуся готовила закуску лучше Натальи, чего ж размениваться, когда свой дом – полная чаша. За этими застольями соседи провели не один час разговоров. Мало-помалу Егор узнал о Владимире Васильевиче столько интересного, что на целый роман бы хватило. Он вообще много рассказывал о себе, когда выпивал, за что супруга не раз показывала ему из-за шторы прикушенный язык, мол, не хвались, Емеля, не твоя неделя. Иногда это действовало, и Орлов предлагал: «Ну, по последней!»

Как-то в очередном подпитии Орлов разоткровенничался, всё рассказывал, рассказывал. Егор Ильич, возвратившись домой, решил записать рассказы Орлова. Долго примеривался, но всё как-то получалось очень длинно. Он решил объединить всё ранее слышанное временным биографическим сюжетом, как бы автобиографией из уст Орлова. Свои записи озаглавил так: «Последний коновал». Долго думал, с чего и как начать. В конце концов обмакнул перышко в чернильницу и выдал первый абзац. Прочел:

«...Вообще-то фамилия Орлов мне не принадлежит – она была и будет всегда олицетворением графа Алексея Григорьевича Орлова. Этот человек навеки запечатлел себя не только в России, но во всем мире. Кто не согласен, пусть мне скажет: в какой части света нет самых милых человеку животных с общим именем ЛОШАДИ? Нет такого места на земле!»

Вроде бы всё так, как рассказывал сосед, а манеры его разговорной за этими словами не чувствуется. Долго Егор морщил лоб, вспоминая фразы и интонации Орлова. Вспомнил его манеру. Владимир Васильевич, когда откровенничал, пояснял свою говорливость присказкой: «Ну, как говорится, сказал “а”, говори и “б”».

Осенней логической находкой и как будто бы перевоплотившись в Орлова, Скворцов застрочил пером по бумаге:

«...Наша фамилия, несмотря на то, что род происходит из крепостных крестьян Воронежской губернии, а вы знаете, что в восемнадцатом веке крепостные фамилиями не обзаводились, но прозвища имели, родилась от прапрадедова мастерства. Был он знатным конокладом. Именно так! “Конокладом” в те времена звался лошадиный доктор. Потом зачем-то переименовали коноклада в коновала. Может быть, из-за того, что коноклада легко спутать с конокрадом? А может... Ну не знаю, не разбираюсь я в словах, как и от чего они произошли. Зато не согласен с тем, что лекари-лошадники валили лошадок – это как-то грубо. Настоящий лекарь животину, причем любую, аккуратно покладает на бок, если в том нужна приключается. Да оно и действительно, лежа жеребца легче в мерина определить... Для чего это делают? А вы попробуйте унять силищу конскую, коли у жеребчика гон начнется – кобылку с течкой почует. Нет, не удержите – инстинкт сильнее всего. Коняга всё разнесет в щепы и пути порвет. Людей не пощадит! Для размножения многих жеребцов не требуется – одного, самого породистого выбирают...»

Вот в какие-то годы граф Алексей Григорьевич, говорят, страстный лошадиный, задумался: а чего у нас на Руси нет своего рысака? У арабов есть, у турок есть, в далекой Аравии есть рысаки... Надо и нам такую породу вывести, чтобы годная была под воду и под воеводу, да чтоб на ней пахать и щеголять. А еще, была б она такая нарядная, чтобы всяк, глядя на нашу лошадку, залюбовался и мастью красивой, и шерстью шелковистой, и гривой роскошной. И чтобы на ходу была, словно лодочка на море. Но в то же время сила и рослость в ней главенствовали, а норовом покладиста. Знаешь, почему

ему так приспичило? Они же со старшим братом Гришкой ко Второй Катерине под подол по очереди заглядывали – ну это все знают, нравы такие в те времена были. Да не наше это дело. Ага... Так вот именно 28 июня 1762 года Катюшку замыслили скинуть с престола. А она в этот день с Алексеем возжалась за тридцать верст от Питера. Ну им донесли про заговор, они – в карету и назад. А лошадки-то в упряжке возьми и задохнись на полпути. Ни ну, ни тпру, как говорится, ни кукареку. Алексей понял: Катюшку ихну скинут, всем Орловым несдобровать. Не знаю уж как, но добыл рабочих лошадей. А тех красоток с нафуфыренными хвостами да стройными ножками велел на мясо пустить, крестьянам раздать. Короче говоря, успели они заговорщиков обезвредить. Алексей Григорьевич Екатерине говорит: “Вот видишь, душа моя, матушка императрица, из-за того, что не имеем нормальной тяги, чуть царство не просрали. Они, голландские да французские коняжки, хороши лишь на ихних путях-дорогах, а в наших колдобинах – мрут от слабосилья. Давай-ка я сам выведу лошадей, пригодных России!” Та ему и денег отвалила, и земли для конезавода определила в Воронежской губернии. Аккурат там испокон веков мои предки селились и размножались. Я-то только и знаю, что прапрадеда звали Степаном Николаевичем. Он, по записям в церковной книге, родился в 1770 году, а помер в 1865-м. Конечно, не то что я, но даже батька мой его в глаза не видел. А жаль! Именно его граф взял к себе на службу в конское производство, так как был он лучшим среди конокладов. Ну и какая разница, что крепостной? Зато до сих пор о нем легенды ходят, как он скотину умел обихаживать. Кстати, у меня до сей поры его сумка лекарская хранится, в которой инструменты носят. Усохла вся кожа, а бляха с изображением коника и двух человечков целая. Уже, наверняка, редкость...»

Егор Ильич хотел побольше написать о судьбе Орлова, как оказалось, Конокладова, но всякий раз, берясь за перо, сбивался на орловских рысаков, не мог отсеять страстную любовь и приверженность Владимира Васильевича к «...лучшим и самым разумным на земле животным». Вспоминая рассказы соседа, всякий раз пытался представить жизнь крепостного ветеринара-самоучки, его приверженность делу графа – «эксплуататора и кровопийцы трудового народа», как засело в его преданной делу Ленина и партии голове. Ясно как Божий день: без истинной любви к общему с графом делу быть классным лекарем не получилось бы. А как же крепостной мог искренне любить графа с его конями? Как же классовая ненависть и вытекающая из этого готовность к борьбе за свои права?..

«...Прапрадеда определил на службу в конезавод такой же крепостной Василий Иванович Шишкин – был он и управляющим, и врожденным селекционером, ведал о лошадином племени всё. Когда граф Алексей Григорьевич в 1808 году отдал богу душу, всё его добро перешло дочери Анне Алексеевне. С этой поры Шишкин стал фактическим руководителем конезавода, что обосновался в селе Слобода. Была Анна жестким хозяином, людей держала в “крепости” без условий получения вольной грамоты. А Шишкину очень хотелось на вольные хлеба, чтобы, значит, опосля выхода из “крепости” подоить хозяйку на деньги – куда ей деваться без его наработок о породе орловских рысаков. Кони-то получились именно такими, какими их ее папаша задумывал. Следовательно, доход от их продажи сулился огромный. Вот он и подбивал Степана, дескать, давай в один момент откажемся от своих дел, зане можем как бы, а в условие для возврата – вольные грамоты. Прапрадед отказался, сказал, что от этих коней никуда не уйдет. Шишкин злился на него. Но работал, так как тоже другого ничего кроме коневодства в своей невольнической судьбе не мыслил. Слух о резвых, красивых, очень выносливых и сильных рысаках дошел до царя Александра Первого. Он

поехал в Слободу, чтобы самому увидеть Хреновское конезаводство. Конечно, его приняли по всем правилам, да еще с сюрпризом. Мне потом дед со слов моего прадеда рассказывал. (Тому в год приезда царя двенадцать лет исполнилось, и он тоже в заводе работал.) Значит, только царь ступил через порог конюшни, лошади, как один, вздыбились и ну приплясывать-резвиться, ржут так радостно. Александр спужнулся аж. А Шишкин к нему подсказывает: это они, ваше царское величество, вас приветствуют, я их такому обучил. Наши рысаки, конечно, умные животные, не в пример, допустим, американским дундукам, хоть они где-то наших превосходят, но чтобы про царя знать и расплясаться перед ним – это животине не под силу. Да к тому ж они и в личность царскую не глядывались. Но батюшке всея Руси понравился такой коленкор. Снял он с пальца перстень с бриллиантом и протягивает Шишкину – бери подарок, коневод. А тот бухнулся на колени и говорит: не велено мне от вас дар принимать! А царь: кем это не велено? Тут Анна присела в поклоне: Васька Шишкин, говорит, мой крепостной крестьянин. Царь ей: немедленно выдай ему вольную! Анна говорит, мол, боится потерять такого спеца, дескать, может уйти с завода. Александр спрашивает у Шишкина: “И впрямь от дела государственной важности увильнешь?” Тот тут же поклялся и пообещал, что до гробовой доски останется при конезаводе.

Вот така она, история была. И мой прадед Степан Степанович, проживший сто лет от 1800-го до 1900 года – крепкий был мужик, в шестьдесят моего деда состряпал с молодухой – до смерти был вольным коновалом в Хреновском заводе. С него, когда всем вольную дали, отменили крепостное право, в документах вместо “коноклад” написали Коновалов. И мои дед и отец уже с этой фамилией работали. Но батя по лекарской линии не пошел, хотя тоже многое умел и знал про лошадей. Меня всему дед научил...»

Скворцов, записывая этот биографический рассказ, представлял пацана Володьку Коновалова рядом с огромным, как ему воображалось, бородатым мужиком. Писал он эти записки по ночам и, бывало, засыпал за столом. Просыпаясь, слушал, как храпит благоверная женушка, с вечера стряпавшая ему для ночного перекуса пирожки с капустой и мятой картошкой. Лепила она их огромного размера – всего два умещалось на большой сковороде. Егор и за то был ей благодарен – главное ведь не эстетика в еде для мужчины, а вкус и сытность. И в этом Наталья преуспевала, одно слово – казачка. Но всё, что она делала, оказывалось большого размера, каковой и сама была. Егор перед сном съедал один пирожок, ласково ворча: «Буруха. Ну точно – буруха». Это слово он услышал когда-то в Алтайском крае, и сказано оно было в сторону дебелий бабы, которая готовила еду огромными порциями и размерами. Иной раз жена сквозь сон слышала Егоров говорок и в тон ему, вспоминая бабушкину приговорку, отвечала: «Эко-мы-ко-чѐ... Мы тута...», переворачивалась на другой бок и тут же оглашала ночную тишь тоненьким, совсем не подходящим для бурухи сопением...

Иногда Егор видел Орлова во сне, как будто бы наблюдал за ним со стороны...

...Егор знает: на дворе трескучий сибирский мороз. Он лежит на лавке в просторной, явно не бедняцкой избе. Ему тепло. В печке потрескивают дрова. Охалки чурбачков разложены порциями вдоль стенки – это очередные порции для топки. В нужный момент кто-то из хозяев проснется среди ночи и, пока печной огонь не потух вовсе, подбросит дровишек – растапливать печь поновой еще то занятие, замаешься, избу проморозишь, и получат нагоняй все, кроме самого старшего из живущих в ней людей. А это – Григорий Степанович Коновалов, знатный на всю сибирскую сторону лекарь-ветеринар...

Егор видит: спустившись с полатей, к нему идет мальчик-подросток. Даже при мерцающих бликах печного костра можно разглядеть сияние его голубых глаз и копну белесых волос на голове. Мальчик всматривается в гостя и молча направляется к отцу с матерью.

«Тятя, тятя, – слышит Егор громкий шёпот пацана. – Мой Буян плачет, слышишь?..» В тишину сибирской ночи, как всхлипы, всплывают звуки жалобного ржания жеребенка. «Ему холодно, батя!..» – «Спи иди, не морочь мне голову своим жеребчиком. Он при мамке, Янка его согреет...» Подросток лезет на печь. «Дед! Дедака! Буянчик плачет...» – «А?.. Что за черт? Видно, мерзнет малыш... – спросонья бормочет Степаныч, – видать, брыкался да попону сорвал с себя... Одёг на себя набрось... Пошли, поможем... Не дай-то Боже околеет животино...»

Егор идет за дедом и внуком... Гнедой жеребенок с белой звездочкой на лбу встречает людей радостным ржанием. Пацан сразу же обнимает его за шею, и, пока дед принаравливает на спину лошаденочку попону, внук не выпускает голову Буяна из рук. «Деданя, он просит прощения, что поднял нас в ночи... Хороший, хороший мой, – гладит мальчик шею жеребенка. – Спасибо тебе, дедака, за то, что ты мне Буяна подарил... Он тоже тебе говорит благодарение...» – жеребенок в этот момент стал кивать головой и бить копытом правой ноги по настилу сарая. «Эка, чё удумал! Ну, внучара, ну, Володей, конь у яго говорящий!» – «Не вру, не вру, дедун, он как-то мне всё это прямо в голову вкладывают...» Дед хохочет громовым голосом...

... – Вставай, писака, опять полночи чернила и бумагу изводил, – Наталья торкнула мужа в бок. – Пирожок-то ночью упорол?! А чё ты там бурчал?..

«Ну, занялась моя зоренька! – беззлобно отметил про себя Егор. – Теперь слушай не переслушай, – и, чтобы отвлечь жену, попросил: – Ногу мою протри, пожалуйста, спиртом!»

Та, резко бросив дела, принялась протирать седловину протеза – а то, не приведи Господь, инфекция какая заведется...

Наслаждаясь установившейся тишиной, Егор Ильич предался обдумыванию увиденного во сне: Орлов рассказывал про жеребенка, подаренного дедом – факт, а вот про «разговоры» с лошадьми речи не было. Но именно этот момент расковырял в психике ученого зоолога то самое место, что отвечает за неугасимость интереса. Это у простых рабочих и колхозников оно называется любопытство, а у людей науки – интерес.

В феврале алма-атинская зима начинает обильно снежить. Кто его знает, этот предгорный резко континентальный климат: зима кончается, а снег валит и валит. Правда, сходит он быстро, рыхлый какой-то. В утро после февральского снегопада город преображается. Алмаатинцы уверены на сто процентов: это их доморощенные поэты придумали и потом не раз переиначивали строчку про «...белое пушистое одеяние, окутавшее улицы, парки и скверы, словно серебряной фатой».

Егор Ильич шагнул за порог и зажмурился: в белизне улицы отражались солнечные блики. Покров был такой, что колеи сравнялись горизонтом с обочинами.

«Ох, не навернуться бы! Тут и делать нечего – соскользнешь и... – вместо радости февральскому снегообилью чуть не чертыхнулся инвалид. – И как я до зоопарка дойду? – задумался Скворцов и сам себя подначил: – Да не из-за снега тебе на работу не хочется идти. А хочешь ты, любопытный тип, встретиться с Орловым, чтобы спросить: не вещий ли сон тебе сегодня снился?»

Убеждая себя, что зайдет лишь на минутку, Егор Ильич захромал к дому Орлова. Осторожно, с опаской шел, к заборам прижимался. «Вот так, вот так», – медленно, по очереди переставляя ногу, протез и костыль, твердил он в

уме. Почему-то вспомнилось, как в таких случаях говорила соседка-хохлушка: «...пидля дувалу, пидля дувалу». Произнеся вслух, причем слитно это словосочетание, Егор Ильич подавился смехом: «занятный глагол получается, ах-ха-ха».

Орлов еще не закончил выгребание снега со двора, а уже взмок. От телогрейки со стороны спины то и дело взвивался парок. Он ловко, несмотря на покалеченную руку, орудовал грабаркой, положив ее черенок на локтевой сустав левой, а правой рукой давил на него как на рычаг. Толкал лопату вперед, затем нажимал на оконечность черенка и, используя набранную инерцию, всем телом совершал толчок – ком снега летел через открытые ворота на Глубокому метра на три.

– Силен мужик! – восхитился соседом Егор. – Здравия желаю!

Владимиру Васильевичу такие знаки приветствия понравились.

– И я тебя уважаю, сосед! Вот молодец, что зашел. Сейчас, завершаю – три лопатки осталось собрать, и будем с тобой чай пить – устал я...

Так и не дойдя до работы – ему такое было позволительно по закону об инвалидах, – после долгого чая в полуподвале орловского дома Скворцов, вернувшись домой, вновь засел за стол с пером и бумагой. Он многое на этот раз услышал – разговорить Орлова было нетрудно, главное – подхваливать и восхищаться его рассказу искренне. С этим у Скворцова было всё по-честному, без подхалимства.

«...В сибирском селе Бишкиль, куда нас выселили из Воронежской губернии как раскулаченных, мы оказались в 1929 году», – записал Егор Ильич только что услышанное от Владимира Васильевича.

Записал и задумался: в его сне внуку Григория Коновалова было лет двенадцать, то есть таким он был еще до революции... Странное дело: сон не мистика, конечно, простое субъективное переживание того, что гложет душу. Вот и получилось временное сжатие, решил он, и продолжил писание уже достаточно длинного рассказа.

«...Не знаю, какими правдами-неправдами сумел деданя перевезти в Сибирь пару орловских рысаков, Бурана и Яну, но именно они, эти ненаглядные лошадки, спасли наш клан от голодной смерти. Дорого продавалось их потомство. К тридцать седьмому году нас опять записали в кулаки. Гнев пролетариата пал на меня и на деда – мы коней плодили и продавали. Папаня же мой к коневодству не был способным, он лес валил, за что такого сажать? Ну арестуешь, а потом?.. Куда дальше Сибири лесоруба посылать? Деда повязали, а я утёк. Тут же вскоре меня в Москве задержали, но не милиция, люди, что куда страшнее власти...

Чтобы выживать в огромном городе без документов, надо работать – никуда не берут, да еще тут же норовят вызвать участкового. Повезло тогда, когда я к лошади извозчика подошел, за шею обнял. Короче говоря, я и сам не знаю, как ко мне приходит лошадиный разговор, или – как это назвать? – весть от коня. Почему меня ценили как ветеринара-лекаря? Потому что животные сами мне рассказывали, где и что у них болит, как произошла болезнь. Вот ты, Егор, про свой сон мне рассказывал, а ведь так оно примерно и было: я впервые услышал разговор своего жеребенка, моего милого стригунка Буяна. Ох и любил я его. А он обожал шанежки. Ел когда-нибудь такие сибирские булочки приплюснутые? Я их у мамани тырил и на конюшню таскал. Другой раз сам не попробую, всё конику своему уношу. Он никогда меня не подводил. Такой разумный был, всё с моих слов понимал и исполнял. Много мы с ним чего покрали в округе. Каюсь, было дело, вернее, дела. На ходу из вагонов товары таскали...

Так вот, подошел я к гужевой лошадке, а она мне про стертые копыто. Смотринами это место не найти. Жалуеться, мол, возница никак не поймет, что с ней случилось. Я мужику показал, где садануло конягу. Он в благодарность пристроил меня работать за жрачку на ипподроме. Потихоньку-помаленьку стал я ветврачам ипподромным помогать. Особенно себя не показывал, но если что-то поручали, свершал в лучшем виде. Они меня деньгами благодарили. В сороковом году игры на тотализаторе захватили многих богатых людей. Поставил десятку на примерного победителя бегов, угадал – получи сотню, а то и больше в разы! Всё зависит от того, сколько игроков удастся заманить на предполагаемого победителя, а первой придет совсем другая лошадка. Иногда организаторы договаривались с жокеями, и фавориты становились на финише вторыми, третьими, а тот, на кого ставили меньше всего, вырывался вперед и брал куш. Но в основном надо было знать состояние жеребцов и мастерство жокеев-наездников, чтобы делать правильную ставку. Естественно, сами же лошадки, в присутствии которых порой шли переговоры, сообщали мне правильность выбора. Стал я богатеть, но из конюшен не вылезал. Мыл-чистил лошадей, навоз таскал, а иначе не имел бы информации. Как только бега или скачки объявлялись, я переодевался в новую одежду и шел на трибуну в кассы. Там однажды познакомился с заядлым игроком на тотализаторе. Мне показался он хорошим парнем, простецким, веселым. Его Жорой звали. Девки Жорика любили, не отказывали, особенно когда он выигрывал куш. Я расслабился, несколько раз помог ему выиграть. Получалось в ущерб себе. Но для друга я был готов на всё, делился. Как потом оказалось, его подослал один из ветврачей, главарь среди игроков и шестерка для партийных мафиози, давно заприметивший мои удачные ставки. Сначала они решили, что я каким-то образом подслушиваю их договорники. Проверяли-перепроверяли – не срослось. И заметил этот гад, как я с лошадьми разговариваю. Не мог, конечно, и в страшном сне увидеть истинные мои возможности, но чуйка жульническая сработала. Однажды ночью пришли ко мне четверо. Говорят, колись, падла, откуда про договорников знаешь? Кто из наших ссучился? На кого ты работаешь? Струхнул я, страшно на ножи попасть – закопают в навозной куче, к весне и кишки, и кости перегорят: был Володька Коновалов, и не стало его. Люди не вспомнят, кони не заплачут. Много страха я тогда натерпелся – пытали меня, вспоминать не хочу...

Когда они ушли, Жора пришел. Покаялся. Сказал, что решили игроки меня порешить: нет человека – некому выигрывать. Большие деньги я ему отдал, себе тоже оставил немало, чтобы он меня из Москвы вывез. По дороге подняли с постели одного «художника». К рассвету он мне паспорт нарисовал, с которым я на войну отправился. А фамилию? В честь графа Орлова я себе написал. Сначала хотел в честь жеребца своего любимого или Буяновым или Орловским стать, да Жора обсмеял: Буянова за цыгана примут, а оно тебе надо? А Орловский, ну какой ты с виду поляк...

В Бишкиль я не возвратился и сейчас не хочу там глаза чекистам мозолить. Помнишь, как на фронте учили? – поближе к кухне, подальше от начальства. В сорок первом пошел я, бобыль одинокий, в военкомат. Дальше ты сам знаешь...»

Конечно же, Скворцов и Орлов фронтовые биографии друг друга знали доподлинно – ни одно их «чаепитие» не обходилось без воспоминаний. Сначала рассказывали о военных дорогах в общем, затем окопные истории разбирались в деталях. И каждый раз Орлов срывался на лошадиную тему, говорил о тяжелой конской доле. Особенно, чуть не до слез вспоминал упряжки артиллерийских орудий: как вязли колеса гаубиц в непролазных весенне-осенних черноземах; как надсадно ржали кони, вытаскивая тяжелый

груз на тактически и стратегически важные высоты, а солдаты нещадно хлестали их плетками и палками... Однажды, дело было на Курской дуге, сердце лошади не вынесло наблюдения за подобным издевательством, к тому же он сразу определил неправильную расстановку в упряжке. Подскочил лейтенант Орлов к ездому, что без особого толка, но с каким-то блаженно-садистским удовольствием лупил по крупу и бокам жеребую кобылу, и вырвал у него из рук орудие издевательства над животным. Схватил солдата за грудки, а тут – капитан, командир батареи. «Ты что, лейтенант, творишь, почему наступление останавливаешь – во как хватил! – расстреляю!» – и кобуру расстегнул...

Эх-ма! Пришлось извиняться. Потому как на войне не в свою роту, как в монастыре к игумену, со своим уставом не суйся. И расстрелял бы комбатареи комвзвода – некогда разбираться из-за какой-то лошади, тут люди тысячами гибнут.

В этот же день Орлова тяжело ранило осколками немецкого снаряда...

...Никому и никогда Егор Ильич не показывал свои записи – зачем? Всё равно никто не поверит, что есть на земле человек, умеющий, пусть как-то по-своему, разговаривать с лошадьми. Начнутся расспросы, а то и допросы. Кто пострадает? Конечно же, Орлов. Хотя и Скворцову несдобровать: почему сразу не донес? Кто разрешил записывать, время тянуть? А вдруг...

От этих размышлений Егор Ильич съеживался, представлял, как нелегко будет ему, одноногому, выживать где-нибудь в Колымском лагере для врагов народа.

Еще в начале «литературного труда» ему казалось, что он сможет, как директор зоопарка Максим Зверев, стать писателем. Но, исписав несколько страниц, сравнил текст своего рассказа с повестью Зверева «Белый марал» и понял: никакой он не писатель! Спрятал рукопись подальше. Надо было сжечь листы, да рука не поднялась.

Летом улицу Глубокую и другие улочки в Ишаке засыпали гравием – приготовили к асфальтированию. Колеи исчезли, а вместе с ними испарился некий дух, присущий деревне. Это отметили многие соседи Егора Ильича, те, что детство провели в деревнях и аулах. Другие же с удовольствием ожидали, когда на гравий накачают асфальт – всё же в городе живем, сколько можно ждать! Ожидание продлилось, как в пословице, три года. За это время и в гравийном покрытии образовались колеи. Но не держалась в них ни дождевая, ни талая вода – никакой сельской романтики в бульжниках с песком не было.

После удачно проведенных соревнований-байги, на которых казахские лошади, адаевская и джабе, уделали всех, благодарные джигиты одарили Орлова сверх меры. Он купил автомобиль «Москвич» и... тут же застрял в уличной колее аккурат напротив ворот дома своего друга Скворцова. И пока в ямки не засыпали новый гравий, по утрам Владимир Васильевич приходил к машине, сажал в нее Егора Ильича и ехал в зоопарк, в штате которого и ему нашлась должность.

Умерли соседи в один год. Орлов перед смертью долго болел, оказалось, что в его теле покоились до поры тридцать осколков, о которых он не говорил. На сороковиных по соседу Егору стало нечем дышать... Станция скорой помощи находилась в пятистах метрах, но позвонить туда не представлялось возможным – ближайший телефон-автомат был только в центре Татарки...